

Моральная карьера женщин, осужденных за совершение убийства: нарративный анализ

Анна А. Луликян

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Российская Федерация

<https://orcid.org/0009-0004-1142-5263>

Рекомендация для цитирования:
Луликян А. А. (2025) Моральная карьера женщин, осужденных за совершение убийства: нарративный анализ. *Социология власти*, 37 (4): 101-137
EDN: NEVQGC

For citation:
Lulikyán A. A. (2025) The Moral Career of a Woman Convicted of Homicide: a Narrative Analysis. *Sociology of Power*, 37 (4): 101-137

Поступила в редакцию: 23.04.2025;
прошла рецензирование: 20.07.2025;
принята в печать: 30.07.2025
Received: 23.04.2025; Revised:
20.07.2025; Accepted: 30.07.2025

© Author, 2025
This article is an open access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution (CC BY) license (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

Резюме: Женщины, осужденные по части 1 статьи 105 УК РФ «Убийство», примерно в трети случаев на суде утверждают, что совершили убийство в рамках самообороны. Это входит в противоречие с решением суда, вменяющим вину в совершении умышленного убийства. Судебные приговоры хоть и представляют позицию женщины по отношению к убийству, но в весьма искаженном виде, что прежде всего связано с институциональными условиями дачи показаний. Таким образом, остается неясным, как относится женщина к совершенному убийству: суд постановил, что она виновна, но что она думает о своем поступке и себе самой? Чтобы ответить на данный вопрос, было проведено шесть биографических и три экспертных интервью. Для анализа предлагается использование теоретической рамки «моральной карьеры» Ирвинга Гофмана, которая позволяет проследить процесс трансформации «Я» женщин и переживание испорченной социальной идентичности (стигмы). Результатом исследования стала реконструкция моральной карьеры женщин, совершивших убийство, с выделением нарративов самообвинения и самооправдания. Автор высказывает предположение, что склонность женщин к самообвинению или самооправданию объясняется не столько успешностью сложившейся после освобождения жизни, сколько обретением или хотя бы надеждой на обретение иной идентичности, отличной от идентичности убийцы и способной конкурировать с ней. В случае с женщинами такой сильной

идентичностью становится идентичность матери, позволяющая подчеркнуть свою «нормальность», тем самым противопоставляя ее идентичности убийцы; при этом закономерным способом спасительного отделения этой идентичности от себя становится самообвинение.

Ключевые слова: убийство, совершенное женщиной, нарратив, моральная карьера, стигма, идентичность, самооправдание, самообвинение

The Moral Career of a Woman Convicted of Homicide: a Narrative Analysis

Anna A. Lulikyan

Higher School of Economics National Research University, Moscow, Russian Federation

<https://orcid.org/0009-0004-1142-5263>

Abstract: Women convicted under Article 105 Part 1 of the Criminal Code (“Homicide”) of the Russian Federation, in about one third of cases, claim in court that they committed the homicide in self-defense. This contradicts the court decisions finding them guilty of premeditated murder. The court verdicts, although presenting the women’s positions on the homicide, are distorted, primarily due to the institutional conditions of testimony. Thus, it remains unclear how the women feel about the homicide: the court has ruled that she is guilty, but how do they feel about their act and themselves? To answer this question, six biographical and three expert interviews were conducted. For the analysis, the concept of moral career proposed by E. Goffman is employed, which allows us to trace the process of transformation of women’s “self” and the experience of damaged social identity (stigma). The result of the study is the reconstruction of the moral career of women who committed homicide, highlighting the narratives of self-blame and self-justification. The author suggests that whether a woman leans toward self-blame or self-justification depends less on how successful her post-prison life is, and more on whether she has found — or hopes to find — an alternative identity. This new identity must be strong enough to compete with the identity of a “killer”. For some women, the identity of a mother becomes this alternative. It allows them to present themselves as “normal” and to separate themselves from the label of a “killer”.

Keywords: homicide committed by a woman, narrative, moral career, stigma, identity, self-justification, self-accusation

Введение

Убийство представляет собой одно из самых ярких проявлений девиантного поведения. Его весьма трудно изучать непосредственно, поэтому исследователь обычно имеет дело с интерпретациями убийства. Интерпретацией убийства занимаются как минимум сам человек, совершивший убийство, и правоохранительные

органы, ведущие расследование. Причем, исходя из своих целей, акторы предлагают разные репрезентации убийства. Так, убийца старается осмыслить произошедшее и найти способ самооправдания (Uniacke 1994); правоохранительные органы же содействуют вынесению обоснованного судебного решения, в связи с чем ищут доказательства вины убийцы (Brookman, Innes 2013). Несмотря на указанное противоречие, репрезентации имеют и пересечения. С одной стороны, судебный приговор содержит показания человека, совершившего убийство. С другой стороны, сам текст приговора становится внешним, авторитетным описанием личности преступника и его действий. Закрепляя определенную интерпретацию событий, приговор может влиять на самовосприятие осужденного, заставляя его принять навязанный извне образ себя и переосмыслить совершенный поступок. В этой работе мы сконцентрируемся именно на последнем, поскольку первому уже было уделено внимание в одной из наших предыдущих статей, посвященных анализу судебных приговоров (Луликян, Жучкова 2024).

В фокусе нашего исследования — убийства, совершенные женщинами, более редкий и менее других изученный вид такого рода преступлений. Предыдущие исследования показали, что структура и характер убийств, совершаемых мужчинами и женщинами, имеют фундаментальные различия (Jensen 2001), поэтому целесообразно выделять убийства, совершенные женщинами, в отдельную категорию. Более того, «женские убийства» представляют особый социологический интерес из-за двойной девиации, поскольку убийца нарушила не только закон, но и гендерные ожидания (Сабирова 2012).

Интерпретация убийства, совершенного женщиной, а также его предыстория и влияние на последующую жизнь является нетривиальной задачей. Анализ убийства, как правило, ведется на стыке социологий права, семьи, морали, эмоций, гендера, девиантности, насилия и теории конфликта. Чтобы учесть все вышеуказанные аспекты и предложить некоторое комплексное видение убийств, совершенных женщинами, мы будем использовать интегративную рамку «моральной карьеры» Ирвинга Гофмана.

Убийство во многом детерминирует дальнейшую жизнь человека: поскольку это преступление, обладающее низкой латентностью (Penney 2014), совершивший убийство, скорее всего, будет обнаружен и затем подвергнут судебному разбирательству, во время которого будет заключен под стражу, а после приговорен на некоторый срок лишения свободы. В России женщин, совершивших убийство, направляют в колонии общего режима и, как правило, при отбытии части наказания переводят в колонии-поселения.

В крайне регламентированном пространстве колонии возможности удовлетворения базовых потребностей весьма ограничены, что, в свою очередь, приводит к снижению качества жизни (Макух, Глазов 2023). Кроме того, женщины, совершившие убийство, как правило, обладали низким социально-экономическим статусом еще до него (Lysova 2023), и после освобождения их положение лишь усугубляется, поскольку социальную адаптацию, помимо прочего, усложняет судимость (Ростовская и др. 2024; Кравцова и др. 2022).

В нашем исследовании мы сфокусируемся на идентичности женщины не столько как «осужденной», сколько как «убийцы». Чтобы проследить процесс формирования и осмысления этой идентичности, мы обратились к ключевым этапам биографии: детству и юности, непосредственно эпизоду убийства, досудебному расследованию и судебному разбирательству. Вопрос конструирования и осознания женщиной себя как «убийцы» уже изучался в США (Biggers 1979; Stevens 1999; Kethineni 2001; Meyer, Oberman 2010), но практически не представлен в российской социологии. Кроме того, настоящая работа предлагает взгляд на то, как женщина живет с идентичностью «убийцы» уже после освобождения. Поскольку эмпирической базой данной работы послужили интервью женщин, уже отбывших наказание за убийство, следует понимать, что мы имеем дело со специфической моральной карьерой, где все пройденные этапы жизни некоторым образом сформировали «Я» человека.

104

Теоретические основания изучения моральной карьеры женщин, осужденных за совершение убийства

Моральную карьеру можно определить как «институциональные аспекты жизненной траектории» женщины, совершившей убийство, которые «оказывают влияние на “Я” женщины и «на то, как она судит о самой себе и о других» (Гоффман 2019, с. 158). Так, женщина, совершившая убийство, вероятно, самостоятельно выносит некоторое моральное суждение о своем поступке и себе, однако под влиянием судебной и пенитенциарной системы ее «Я» неизбежно проходит определенную трансформацию. Публично она объявляется «убийцей» и «осужденной», и обе эти стигмы оставляют неотвратимый след на всей жизни человека. Происходит так называемая «криминализация» биографии: убийство не только делит жизнь женщины на «до» и «после», но и становится тем событием, вокруг которого пересобирается вся биография, и именно с этим событием соотносятся «и детство, и настоящее, и даже будущее» (Сабилова 2012, с. 81).

Моральную карьеру можно реконструировать на основе жизненного пути любого человека применительно к его идентичности (Reid, Ramarajan 2021; Schervish 2016), но исследователи обычно сосредотачивались на моральной карьере представителей девиантных групп (Radcliffe 2011; Malpass et al. 2009). Возможно, это отчасти связано с тем, что отправной точкой для анализа и уже классическим примером является реконструкция моральной карьеры душевнобольного пациента, произведенная Гофманом в работе «Тотальные институты» (Goffman 1961). Гофман, однако, рассматривает лишь две стадии моральной карьеры — допациентскую и пациентскую — оставляя экспациентскую за скобками. Гофман отмечает схожесть карьер постояльцев любых тотальных институтов, будь то психиатрическая лечебница, тюрьма или армия.

Как правило, именно арест полицией знаменует окончание допациентской стадии и переход к пациентской, когда подозреваемый помещается в ИВС (изолятор временного содержания), а далее в СИЗО (следственный изолятор). Соответственно, если арест происходит практически сразу после убийства — а по опыту анализа приговоров можно утверждать о том, что это скорее так (Луликян, Жучкова 2024) — у совершившей убийство практически не остается времени на самостоятельное осмысление убийства, и вся последующая рефлексия проходит уже под давлением институциональных условий.

Непосредственно моральный аспект моральной карьеры нередко опускается в исследованиях (Scott, Hardie-Bick 2022), но нам кажется особенно важным сосредоточиться именно на нем. Ведь в контексте убийства имеет место стигматизация, при которой человек проявляет не просто нетипичные (Becker 1963), а наиболее постыдные (Goffman 1963) качества, и именно они встраиваются в идентичность индивида и становятся основой для его восприятия другими (Link, Phelan 2001). Осознаваемая постыдность совершенного поступка может приводить и к самостигматизации (Jacobsson 2002): человек, живший «как все», неожиданно обнаруживает себя убийцей, но при этом, будучи социализированным «как все», стремится обвинить убийцу. На болезненность переживания себя как «ненормального» и рождающейся из этого самостигматизации указывает и Гофман (Goffman 1963). Таким образом, самостигматизация может проявиться после совершения убийства и подкрепиться в результате интериоризации внешней стигматизации (Vogel et al. 2013). Тем не менее даже потрясения такого масштаба не избавляют индивида от работы лица, то есть от действий по поддержанию и защите своего «Я» для представления себя в социально одобряемом свете (Goffman 1967). Более того, такие потрясения подталкивают к работе лица в ее наиболее интенсивном виде, требуя предельно оборонитель-

ной ориентации. Складывается внутреннее противоречие между личным и институциональным: женщина как моральный субъект стремится отрефлексировать убийство, но как обвиняемая и подготавливаемая она должна понять, как представить произошедшее в наиболее выгодном для себя свете правоохрательным органам.

Суд, в конечном итоге выносящий решение по ч. 1 ст. 105 УК РФ женщине, совершившей убийство, тем самым постановляет, что оно было совершено умышленно, т.е. в ситуации, когда «лицо осознавало общественную опасность своих действий (бездействия)» и «предвидело возможность наступления общественно опасных последствий». Женщины обычно соглашаются с этим и признают вину, сообщая, что они действительно совершили убийство, но вместе с тем почти всегда отмечают, что убивать не хотели¹. Наиболее частым мотивом убийства в рамках судебного разбирательства сами женщины указывают самооборону, однако суд обычно решает, что мотив — личная неприязнь (Луликян, Жучкова 2024). Апелляция к самообороне может быть как отражением реальности, так и стратегией защиты, которая может выстраиваться как адвокатом, так и подсудимой. В этой работе мы исходим из того, что и интерпретация суда, и показания самой женщины в условиях суда могут значительно отличаться от того, как женщина на самом деле относится к совершенному убийству. В рамках судебного разбирательства процедурно предопределено столкновение как минимум двух нарративов: *нарратив обвинения* со стороны прокурора и в конечном итоге суда, что выражается в обвинительном приговоре², а также *нарратив оправдания* со стороны женщины, стремящейся снизить срок наказания. Таким образом, изучение текстов приговоров не позволяет ответить на вопрос о том, как совершенное убийство женщина объясняет сама себе, поскольку сами приговоры являются продуктом системы и отражают прежде всего ее специфику, а не взгляды ее участников.

Альтернативным источником данных для решения исследовательской проблемы стало интервьюирование женщин, освободившихся после отбытия срока за убийство по ч. 1 ст. 105 УК РФ. Поскольку они уже вышли из заключения, а социологическое интервью едва

106

1 Это было выяснено на основе совокупности приговоров, вынесенных с 2017 по 2021 год. Подробнее см. в статье: (Луликян, Жучкова 2024).

2 Шансы получить оправдательный приговор в России — 0,15%. Исключений всего три: дела против силовиков, суды присяжных и частное обвинение. *Если быть точным*. URL: <https://tochno.st/materials/shansy-poluchit-opravdatelnyy-prigovor-v-rossii-015-isklyucheni-vsego-tri-dela-protiv-silovikov-sudy-prisyazhnykh-i-chastnoe-obvinenie-rasskazyvaem-na-etikh-primerakh-kak-ustroena-palochnaya-sistema>

ли может существенным образом повлиять на их жизнь, можно предположить, что это повысило шансы получить искренние ответы. Также, вероятно, в колонии они периодически размышляли о событии, из-за которого там оказались. В то же время важно понимать, что их «Я» прошло неизбежную трансформацию в ходе институционального воздействия со стороны судебной и пенитенциарной системы, вследствие чего интервьюирование женщин на данном этапе жизни едва ли поможет описать непосредственное отношение женщин к своему поступку — этого «непосредственного отношения» на экспациентской стадии уже не существует. Чтобы подчеркнуть эту двойственность, и был введен концепт моральной карьеры: женщина стремится сохранить свое «Я» и свое личное отношение к поступку, совершенному ею, но институты стремятся вменить ей свой нарратив и нередко берут верх. Разворачивание этих двух противоречивых процессов мы можем видеть на основе биографического нарратива.

Методология

Специфика биографического (нарративного) интервью

107

Эмпирической базой исследования стали биографические нарративы, каждый из которых представляет собой «особый тип текстовых данных, <...> имеющих повествовательную природу с содержательно и риторически считаваемой авторской позицией» (Троцук 2023, с. 34–35). Убийства, квалифицируемые по ч. 1 ст. 105, чаще всего совершаются из личной неприязни и почти всегда предполагают, что убийца и убитый были знакомы некоторое время до убийства (Луликян, Жучкова 2024), что расширяет нарратив во временном отношении: для понимания убийства необходимо помещение убийства в контекст всей жизни женщины. В противовес судебным приговорам, ситуация интервью создает условия, при которых женщина может рассказать свою историю сама, от первого лица, отобрав определенные события, предшествующие убийству и следующие за ним, которые она сама считает важными, — для этого предназначена первая фаза *свободного нарратива*.

Однако для получения полной картины о произошедшем убийстве интервьюеру недостаточно запустить нарративный импульс. После завершения свободного нарратива необходимо проведение *нарративного расспрашивания* — это вторая фаза нарративного интервью, согласно его классической структуре по Ф. Шютце и Г. Розенталь (Рождественская 2012). Нарративное расспрашивание направлено на уточнение кажущихся важными интервьюеру деталей, а также заполнение нарративных пробелов — периодов жизни, кото-

рые информантка упустила из рассказа, но про которые, возможно, будет готова рассказать при интервенции интервьюера. Нарративное расспрашивание охватывает три уровня: поведенческий, эмоциональный и когнитивный, т.е. относительно событий задаются вопросы о том, что информантка делала, чувствовала и думала. Также интервью предполагает вопросы об уровне осведомленности информантки с собственным приговором и отношением к нему: насколько он кажется ей справедливым, насколько она согласна с изложенным и прочее.

Третья фаза интервью — *метафорическое суммирование всей жизни* самой информанткой — не была включена в гайд в явном виде, однако ближе к концу интервью информантки были склонны сами приходить к выводам о своей жизни и отмечать ключевые изменения, которые с ними произошли в результате обсуждаемых событий.

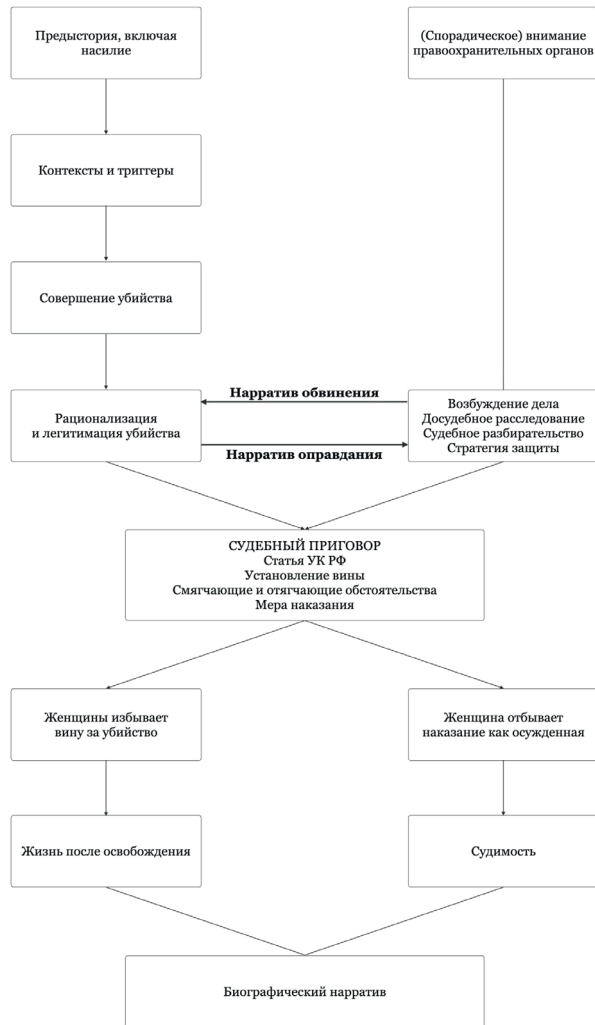
Таким образом, в ходе интервью продуцируется нелинейный нарратив. Сначала становится известно об эпизоде убийства и о том, что непосредственно ему предшествовало, и только затем — о личной жизни задолго до убийства и уже после освобождения. В интервью наводится фокус на убийство с самого начала, и это же событие используется для структуризации всей биографии женщин. Это неизбежно влияет на конечный нарратив: вероятно, он был бы другим, с иными акцентами, если бы нарративный импульс был задан более широко.

108

Концептуальный аппарат

Рамка «моральной карьеры» позволяет одновременно проследить две стороны, из которых складывается любая карьера: личную и институциональную. Две вертикальные линии, характеризующие обе указанные стороны, можно наблюдать на рисунке 1.

Рисунок 1. Концептуальная схема исследования
Picture 1. Conceptual scheme of the research

После установления факта убийства правоохранительные органы принимают соответствующие процессуальные меры, объявляя женщину подозреваемой, а далее — обвиняемой и подсудимой. В ходе их деятельности в отношении женщины транслируется нарратив обвинения, который встречается с нарративом оправдания с ее стороны. Нарратив оправдания адресован не только правоохранительной системе, но и самой себе и окружению, однако именно пересечение этих нарративов находит отражение в досудебном и судебном процессе. Все сходится в судебном приговоре, где си-

стемой суммируются все институциональные и личные аспекты карьеры, которые должны быть учтены при назначении наказания за совершенное убийство. В колонии женщина отбывает наказание, и одновременно с тем избывает собственную вину, продолжая рефлексировать над своей жизнью и после освобождения. Все наши интервью были проведены после освобождения, где в зависимости от сроков пребывания на свободе, рода занятий на текущий момент и глубины рефлексии она формирует определенный биографический нарратив.

Сбор данных

110 Данное поле является труднодоступным, из-за чего было решено обратиться к помощи специализированных некоммерческих организаций. Руководительницы двух НКО, базирующихся в Пермском крае, согласились оказать помощь в организации интервью. Одна организация представляет собой центр для женщин — жертв домашнего насилия, отбывавших наказание за совершенное преступление против жизни и здоровья своих близких. Другая — центр социальной поддержки, помогающий бездомным. Поскольку нередко женщинам, отбывавшим наказание за убийство, после освобождения некуда идти¹, фактически они становятся бездомными и вынуждены рассчитывать на стороннюю помощь. Один из форматов помощи, реализуемый центром социальной поддержки, — это предоставление проживания в доме милосердия/трудовом доме, я посещала его дважды для проведения интервью. Всего в первый выезд я провела три очных интервью, во второй — два; одно интервью было проведено онлайн. Все интервью были проведены наедине.

Для лучшего понимания контекста были также взяты три полуструктурированных экспертных интервью: одно с руководителем Центром помощи женщинам, одно с прокурором и одно с психиатром, которая имела опыт участия в психиатрической экспертизе обвиняемых.

1 «Большинство мужчин на свободе встречают близкие. Женщину — никто». Фонды, которые помогают заключенным и отбывшим срок // Милосердие.ru. URL: <https://www.miloserdie.ru/article/bolshinstvo-muzhchin-na-svobode-vstrechayut-blizkie-zhenshchinu-nikto-fondy-kotorye-pomogayut-zaklyuchennym-i-otbyvshim-srok/>

Таблица 1. Выборка женщин, осужденных за совершение убийства
Table 1. Sample of women convicted of homicide

Имя (изменено)	Статья УК РФ	Год убийства	Пол жертвы	Отношения с жертвой
Ксения	ч. 1 105	2016	Мужской	Знакомые
София	ч. 1 105	2001	Женский	Интимные
Инга	ч. 1 105	1998	Мужской	Интимные
	ч. 1 105	2006	Мужской	Знакомые
Карина	ч. 2 105	2014	Мужской	Интимные
	ч. 1 105	2003	Мужской	Знакомые
Ольга	ч. 1 105	2003	Мужской	Знакомые
Анна	ч. 1 105	2018	Мужской	Интимные

В таблице 1 приведены сведения об информантках (*все имена изменены*). Всего было проведено шесть биографических интервью. Была использована целевая выборка (однородных случаев): единственным критерием отбора информанток было отбытие наказания по ч. 1 ст. 105. В выборке встречаются судимости до или после убийства по таким статьям, как грабеж, хулиганство, неуплата алиментов, а также еще одно убийство по ч. 2 ст. 105. Из соображений конфиденциальности годы рождения женщин не приведены.

Ограничения

Поскольку получить доступ к информанткам мне помогли некоммерческие организации, проинтервьюировать удалось лишь тех женщин, которые в какой-то момент жизни в той или иной степени были реципиентами помощи от этих НКО. Как следствие, в выборку попали главным образом женщины с низким социально-экономическим статусом, поскольку, вероятно, те, чье социально-экономическое положение лучше, могли рассчитывать на помощь семьи. Несмотря на то что низкий социально-экономический статус является типичным для женщин, осужденных за совершение убийства (Яковлев 2015), это накладывает важное ограничение на интерпретацию результатов: в результате мы практически не имеем доступа к стратегиям совладания с ситуацией у женщин из других социально-экономических страт.

Другим ограничением является то, что я говорила только с женщинами, которые уже отбыли срок за убийство, причем они могли быть на момент проведения интервью на свободе как несколько дней, так и несколько лет. Попасты в колонию для проведения интервью мне не удалось. Интервьюирование освободившихся женщин неизбежно сопряжено с ретроспективными искажениями: события прошлого реконструируются сквозь призму пережитого тюремного опыта и текущей жизненной ситуации, что может смещать акценты в нарративе. Кроме того, малый объем выборки не позволяет сделать надежные выводы о группе осужденных за убийство женщин, однако дает возможность глубоко проанализировать качественное разнообразие их траекторий и способов осмысления собственной биографии.

Наконец, еще одним ограничением является то, что в гайде не были предусмотрены вопросы касательно пребывания в колонии. Поскольку исследование изначально было направлено на подробное обсуждение убийства и непосредственно связанных с ним событий, закономерно, что спросить про все аспекты жизни не представлялось возможным из-за ограничений по длительности интервью и нежелания повышать когнитивную нагрузку на информантов. Однако фрагментарно эта информация в интервью все же представлена.

112

Методологическая рефлексия

Первая трудность связана с выбором нарративного интервью как инструмента сбора данных. Свободного нарратива не всегда можно достичь: успех первой фазы сильно зависит от характеристик интервьюируемого человека, нарративные навыки развиты у всех в разной мере, из-за чего существует риск превращения нарративного интервью в полуструктурированное (Александрова и др. 2023). Из-за различия в уровне нарративных навыков и в стилях нарративного интервью получились разными по длительности (от 30 минут до двух часов), структуре и содержанию.

Нельзя не упомянуть проблемы, связанные с чувствительностью. И само убийство является травмирующим опытом (в особенности если был убит близкий человек), и столкновение с судебной и пенитенциарной системами оказывает глубоко травмирующее воздействие. Сфокусированная беседа об убийстве — событии, поделившем их жизнь на до и после — порой становилась нелегким испытанием для женщин. Я пыталась снизить чувствительность тем, что была не только активным слушателем, но и сострадателем, открыто высказывая негативные эмоции и оценки там, где это полагается.

Предполагаю, что я не получила ответы по поводу некоторых деталей не столько из-за недоверия ко мне как к интервьюеру, сколько из-за того, что обсуждаемые убийства произошли достаточно давно. В процессе интервьюирования преимущественно я чувствовала кооперацию, за исключением одного интервью, где противоречий и нарративных пробелов оказалось довольно много.

Вместе с тем мой гайд был построен так, что нарративный импульс был предназначен запустить свободный нарратив об убийстве — если бы я просила информанток рассказать об их жизни в целом, это, скорее всего, было бы более мягким началом, но могло размывать фокус интервью. Отказ от эвфемизмов был частью моего исследовательского подхода: убийство есть убийство, а не «событие», «произошедшее» и прочее. Мне кажется, что, как ни странно, сенситивность в случае общения с моими информантками снижала как раз прямота: таким образом интервьюер показывает, что не боится их и не боится обсуждать тот аспект их жизни, который хоть и является морально порицаемым, но в то же время уже стал частью их самих.

Этические вопросы

113

Я получила письменное согласие на интервью от всех женщин, с которыми проводила интервью. Однако следует указать, что некоторые информантки на момент проведения интервью проживали в помещениях, предоставленных НКО. Соответственно, необходимо учитывать влияние авторитета гейткиперов в лице руководителей НКО. По тому, как складывалась беседа, я не чувствовала, что эти женщины не хотели разговаривать со мной, тем не менее я допускаю, что в иных обстоятельствах они могли бы отказаться от интервью. Кроме того, на момент проведения интервью у меня не было уверенности, что удастся найти в свободном доступе их судебные приговоры, поэтому я не предупреждала о такой возможности. Но у меня получилось найти три приговора женщин, которых я интервьюировала, и я оповестила их о намерении привлечь приговоры к анализу с соблюдением правил анонимности.

Анализ данных

Были использованы такие методы кодирования, как кодирование *in vivo*, кодирование процессов, концептуальное кодирование и драматургическое кодирование (Saldaña 2016). Это позволило подсветить как личное — поведение, в т.ч. в конфликтах, идентичность — так и институциональное, в которое некоторым образом

(стратегическим или спонтанным) встраивалось личное.

Допациентская стадия

Допациентская стадия охватывает всю жизнь человека вплоть до попадания в тотальный институт и включает в себя социальную идентичность, роли, поведение и отношения человека во «внешнем» мире (Goffman 1961). В данном разделе мы опишем образование, профессии семейные и личные отношения наших информанток.

Социальный статус

В целом для совершивших убийство женщин характерен низкий социально-экономический статус (Луликян, Жучкова 2024). Это отражается прежде всего в уровне образования (школьное 9-11 классов или среднее профессиональное), а также в типе профессиональной занятости (уборщица, посудомойка, продавщица, телятница, работница массового завода и пункта приема металла, обслуживающий персонал в санатории или отсутствие работы вовсе). Стоит учесть, что статус некоторых женщин формировался в условиях экономической и социальной нестабильности, ведь их юность и молодость пришлось на 90-е годы, период, характеризующийся экономическом упадком, трансформацией рынка труда и ухудшением качества правоприменения, что ограничивало их возможности для социальном мобильности (Семенова 2002). В Пермском крае, с которым в основном была связана жизнь информанток, ситуация была особенно критической:

«Родителям по три месяца, по четыре не давали зарплату вообще. Мама начала подрабатывать на рынке. А потом я втянулась. Пошла зарабатывать. То есть вот эта, наверное, *финансовая независимость ранняя дала знать, что если я могу сама зарабатывать, что я могу позволить что-то больше*¹. Наверное, это испортило. Так немножко и покатилося, понеслось. Такое, в не очень удачное время, наверное, выросли» (София).

Испорченное «Я»

Во фрагменте выше просматривается «криминализация» биографии, проявляющаяся в переоценке прошлого с позиций преступления (Сабирова 2012): ранний выход на работу связывается при-

1 Здесь и далее в цитатах курсив авторский.

чинно-следственным образом с будущим убийством. Информантка предполагает, что работа с четырнадцати лет ее «испортила», что интересным образом перекликается с концептом стигмы как «испорченной идентичности» (Goffman 1963): информанткой подразумевается, что было испорчено непосредственно ее «Я», а не ее восприятие другими людьми.

Есть ситуации, где проводимые причинно-следственные связи между прошлой жизнью и будущим убийством представляются более очевидными — например, в случае с соответствующим окружением:

«Ну и знакомые у меня были во всех кругах. Ну и эски. Ну эски на 90-е годы такие авторитетные были знакомые. Ну я выбрала почему-то не КГБ, не депутатов, а эсков (*смеется*). Вот с ними, наверное, было интереснее. На тот момент я была молодая и как-то все это закрутилось, закрутило» (Карина).

Используемые глаголы «покатилось, понеслось», «закрутилось, закрутило» могут указывать не только на стремительность изменений, но и на источник изменений в виде некоторой внешней по отношению к индивиду силы, действующей по своей внутренней логике. Это можно интерпретировать как снятие личной ответственности с целью защиты своего «лица». Однако можно проследить и иной подход к своему «лицу», выражающийся во взятии полной ответственности за свой социально неодобряемый образ жизни, что входит в противоречие с основами работы лица: «Ну и, в общем, я скажу, что во всем виновата пьянка. Человек сам себе судьбу устраивает» (Анна).

Возможно, что такое принятие ответственности за свою неудачную «судьбу» является частью большого нарратива самообвинения, возникающего из стремления избавиться от стигмы убийцы (Goffman 1963), что будет подробнее рассмотрено позже. Наши информантки приводят, по сути, вариации аргументов к одному и тому же тезису: их «Я» было испорчено еще задолго до убийства. Остановимся подробнее на сюжете, связанном с алкоголем как одним из возможных факторов преступления.

Алкогольная зависимость

По всей видимости, массовый алкоголизм 90-х (Зульфибаева, Гуруев 2021) не обошел стороной и информанток: они отмечали, что начали в той или иной мере систематическое употребление алкоголя еще в подростковом возрасте: «Да нет, я пила... Вообще начала рано даже еще. Да, я лет с пятнадцати стала» (Анна). При этом причиной

алкоголизма может быть банальная скука (Orcutt 1984), выражающаяся в отсутствии целей и амбиций, в низком уровне притязаний к жизни:

«Р: В общем, в моей жизни виноват алкоголизм. Не знаю, как сказать. Не было стремления к чему-то в жизни.

И: А почему так получилось?

Р: Не знаю. Может, вот это вот все алкоголизм. Не надо... Ну к чему-то же люди стремятся. У меня никакого стремления» (Анна).

«Вот тогда, честно сказать, нет (не пыталась найти работу). Мама (сожителя) помогала. То есть мы не голодали, одежда у нас была, и как бы. <...> Потом, ну, он (сожитель) как бы инвалид, плохо ходил, но пил. Из-за туберкулеза он тоже пенсию получал. Но, естественно, пенсии хватало ненадолго. <...> Да я не скажу (как часто выпивала). Я-то, конечно, не так, как он. А он каждый день, да» (Инга).

116 Женщины приписывают разное значение алкоголю, однако по их биографиям можно заметить, что нередко именно алкоголь знакомил их с будущей жертвой убийства. Так, информантки отмечали, как познакомилась со своими сожителями через «собутельниц» и продолжали регулярное употребление в общей компании с родственниками, знакомыми и, как выразилась одна информантка, «сходили с ума».

Другая информантка, будучи пьяной в молодом возрасте, совершила разбой для того, чтобы получить дополнительную порцию алкоголя. Так ее посадили на первый срок, во время отбывания которого у нее завязались романтические отношения с девушкой, которую она убила после освобождения, что привело ее ко второму сроку:

«С алкоголем, да, не дружила. На тот момент я разбомбила свой собственный, ну не свой собственный, а киоск, где я работала. Сама работала, у меня сменщица была, у меня были выходные. Я пришла чё-то взять, она мне не дала. Вот я там стекло или выбила, или что-то, короче, пару бутылок схватила, вот ушла. Это, в принципе, первый мой срок» (София).

Ухудшение отношений с близкими

Рубежом в моральной карьере женщин становится момент, после которого отношения с будущей жертвой начинают устойчиво ухудшаться. Хотя это не всегда приводит к убийству, в большинстве случаев именно затяжной конфликт предшествует преступлению

(Луликян, Жучкова 2024). И роль алкоголя, разумеется, не ограничивается тем, чтобы познакомить исполнителя убийства и будущую жертву — она заключается также и в том, чтобы привести их к точке, когда в отношениях начинают преобладать негативные эмоции. Из исследований известно, что алкоголь повышает уровень агрессии (Pridemore 2004) и отключает «социальные тормоза», что приводит к чрезмерным реакциям на воспринимаемые провокации и проявляется в асоциальном поведении (Heath, Hardy-Vallée 2015). Эти эффекты ситуативны и связаны с единичными эпизодами употребления алкоголя, однако имеют свойство накапливаться, формируя устойчивый паттерн агрессивного поведения. Так, в некоторый момент начинает фундаментальным образом меняться то, что женщина и близкий человек думают друг о друге, что, соответственно, меняет и сами отношения, и зачастую в них появляется насилие.

Виктимизация

Отношение к насилию у женщин выстраивается во многом исходя из собственного опыта проживания насилия. Например, одна информантка находилась в ситуации длительного насилия со стороны как первого, так и второго мужа:

117

«Он (первый муж) выпивал, я выпивала. Потом, ну, не знаю, не устраивала меня жизнь с ним. Все, я ушла. Встретила вот этого вот, которого убила (второго мужа). Думала, нормально. Тоже ничего хорошего. Все было хорошо, как родила, все, как подменили. Собственность как будто я его. Начал издеваться, бить. <...> Один раз только меня беременную (бил). Приревновал. Беспочвенно, не знаю. Меня все ревнуют. Я не знаю, почему. <...> Ну вот *такой* он стал в последний год. Я не знаю. Я спряталась в бане, нашел — на руках несет. Я говорю: «Что, сначала бьешь, потом на руках носишь?» Сколько раз убегала из дома, догонял. Возвращал. <...> В Новый год всю меня избил. У меня лица вообще не было. Даже шишка эта осталась» (Анна).

Показательно, как информантка до сих пор не может осмыслить это насилие: «беспочвенно», «я не знаю», «ну вот такой он стал». Другая информантка, пережившая тяжелый опыт насилия, вероятно, тоже пребывала в некоем смысловом вакууме, пока ей не была предложена интерпретация ее близким человеком:

«Я пережила изнасилование. И в итоге я за этот год, который потеряла по больницам, я принимала таблетки, хотела умереть. <...> И когда я вернулась, я лечилась, у меня брат старший покойный был, его убили на Кавказе, погиб он. Он мне сказал, что ты воз-

вращаешься в город хищников — это Санкт-Петербург — ты либо будешь добычей опять, либо ты становишься сама хищником. Ну, выбирай. <...> И, наверное, что-то произошло внутри, в голове, потому что я захотела... То есть я не захотела быть больше добычей, а я захотела управлять общей ситуацией» (Карина).

Такое представление об устройстве мира — по сути, игра с нулевой суммой: чтобы выиграть, нужно быть сильным, что порой проявляется в том числе и через насилие. Таким образом, одним из способов справиться со стигмой жертвы для женщин становится рокировка ролей, и они, несмотря на собственный негативный опыт, готовы сами применять насилие.

Нормализация насилия

118

«Ну тоже я дома сидела у них, а он ушел. Там пил. Я бутылкой с водой, типа водки, ему по голове настучала. Он вообще никакой был. <...> Я сидела дома, а он ушел с ребенком в магазин. Приезжает машина, ребенка привозят незнакомые мне люди. Я говорю: «А где у нас папа?» В магазине спит. Ну у него брат, по-моему, был. Я сына оставила с ним. Пошла, палку взяла. И его стукнула в магазине до крови» (Анна).

Описанное насилие со стороны информантки едва ли может сравниться по тяжести последствий с регулярными избиениями со стороны мужа, но это уже отражает определенную негативную динамику в их отношениях и изменения в ее репертуаре действий. В результате складывается ситуация асимметричного, но все же взаимного насилия. Рассмотрим ситуацию, в которой физическую агрессию проявляла именно женщина, а не ее партнер:

«Р: Как бы хорошее у нее тоже было. Но это просто тип людей, которые... которому всю жизнь нужно внимание, недостаточно одного. Мы даже с ней об этом разговаривали. Я говорю: “Как ты так можешь?” Вот ты, говорю, живешь со мной, спишь, живешь со мной, да, и, блин, ходишь налево. Она говорит: «Блин, я тебя люблю, но вот я не могу, мне надо, чтобы вот еще кто-то, кому-то я нравилась, чтобы вот востребованность была». <...> Ну в начале 2000-го она вышла (из колонии), да. Мы прожили 2000 год (вместе). Были ссоры, да.

И: Но доходило ли до физического чего-то? То есть ты могла на нее поднять руку?

Р: Да.

И: Могла на нее поднять руку?

Р: Да.

И: А она на тебя?

Р: Ну... (*пауза*) Как бы сказать, что меня кто-то когда-то бил, я такого не скажу» (София).

Информантка признает, что прибегала к физическому насилию, но сама его жертвой не становилась, как она поясняет далее: «А не за что было, наверное, на меня-то поднимать руку». По всей видимости, подозрение в изменах она воспринимала как психологическое насилие в свой адрес, что подталкивало ее к совершению физического насилия в ответ в качестве наказания, ведь было *за что*. Переход конфликта в физическую плоскость на фоне деградации отношений создает условия, при которых убийство оказывается финальным и закономерным этапом в цикле насилия.

Можно предположить, что измены воспринимались информанткой особенно болезненно именно из-за их несправедливости, так как сама она оставалась верным и любящим партнером. Вера в то, что проступок партнера должен быть уравновешен наказанием, отсылает к концепции веры в справедливый мир (Dalbert 2009): чтобы восстановить моральный баланс и защитить свое «Я», жертва предательства берет на себя роль карающей инстанции. Тем не менее нормализация насилия может складываться не только из собственного опыта проживания и применения насилия, но и в результате наблюдения за насилием со стороны близких по отношению к другим:

119

«...первое убийство вообще в своей жизни, которое я увидела, это было его убийство. Он (муж) на моих глазах убил мужчину, можно так сказать. <...> Там был нож, топор, он сначала перерезал артерию ему и пошел спать, лег читать книжку, лег дальше. Оставил меня вообще в непонимании, что происходит. А он так спокойно к этому отнесся. Ну, говорит, *он заслужил это*, чё ты, не переживай, утром разберемся. <...> Это было на моих глазах, я видела, что тот человек, то есть на тот момент я сопоставила все факты: за что он его убил, как он себя вел, кем был он, кем был тот, и мог ли тот говорить то, что он на тот момент сказал тому, кому он это говорил. Ну то есть *по закону экзков*» (Карина).

В этом эпизоде отчетливо прослеживается механизм нормализации убийства через апелляцию к альтернативной системе справедливости. Таким образом, к моменту убийства женщины могут подходить с уже сложившимися представлениями о том, что существуют ситуации, в которых применение радикальных форм физического насилия может быть заслуженным, и, соответственно, сами интерпретируют причиненное в их адрес насилие через принцип справедливости и применяют его по этому же обоснованию по отношению к другим.

Институциональный контекст

Отметим, что в нарративе только одной информантки фигурирует полиция еще до совершения убийства. Она пыталась вызвать ее в тот период, когда участились избиения от ее мужа: «Вот когда уже последний раз уже, все, думала, побои сниму, милиция трубку не взяла. А он выхватил у меня из рук телефон и разбил». Она сталкивалась с полицией раньше, когда пыталась совершить суицид и сообщила об этом первому мужу, а тот вызвал полицию, из-за чего ее заключили в психоневрологический диспансер.

У этой информантки был также опыт взаимодействия со скорой помощью: «Просто, знаете, один раз он просто взял по голове сковородкой стукнул. Сидит на кухне мама и [неразборчиво]. Его мама и [неразборчиво], смотрят и улыбаются. <...> Ну, чё там, вызвала скорую еще, чтобы, что там, я же не знаю, кровь остановил. Приехал мужчина скорой, фельдшер. “Она с лестницы упала”. А я чё? Молчу. Ну как можно с лестницы, фельдшер ведь тоже не дурак...» Можно предположить, что насилие, совершаемое при свидетелях, тем более институциональных, и при этом остающееся безнаказанным, оставляло женщину в состоянии еще большей незащитности, чем если бы этих свидетелей не было.

120

Биография информантки, прошедшей путь от психоневрологического диспансера до колонии, иллюстрирует эффект «вращающихся дверей», когда опыт пребывания в одном тотальном институте повышает риск попадания в другой. Это подтверждается и историей другой участницы исследования, имевшей сначала условный срок, затем реальный за разбой и, наконец, за убийство. В данном случае мы наблюдаем кумуляцию стигм: к моменту совершения преступления женщина уже обладает набором характеристик (диагноз, зависимости, судимость), которые маркируют ее как носителя «испорченной идентичности» (Goffman 1963). Эти стигмы имеют свойство не просто суммироваться, а взаимно усиливать друг друга, закрепляя за женщиной статус девианта еще до совершения убийства.

Убийство и арест

«Пришла с работы, и там соседка... Сосед на мою дочку хотел изнасиловать¹. У меня была оборона. Я его убила. Дочка гуляла у меня пятилетняя. Ну, на улице. А потом домой зашла покушать. Двери она не закрыла, и он зашел к ней домой. Дочка у меня уже плакала

1 Речь записана максимально близко к тому, как она была произнесена информанткой.

от него. Шум, гам там. Ну, он что-то кинул на ее, я сразу залетела домой. И, конечно же, взяла нож, кинула ему в спину. Ну, я сразу скорую и милицию позвала, но они не приехали. Ну, я просто испугалась за дочку. <...> Я не боялась (за себя), но за дочку — да» (Ксения).

«31-го (декабря) был такой конкретный рабочий день. Мы просто вымотались. Ну да, конечно, мы выпили шампанского, но не сказать, что я была прямо там, чтобы не помнить. Там был еще молодой человек, он в принципе друг, не друг. Больше-то, наверное, он был мой знакомый. Я вот сейчас не вспомню, где мы как встретились снова. Он пришел к нам, он поругался с женой со своей, пришел к нам Новый год отмечать тоже. Вот. И в какой-то момент, короче, в общем, я их застала. Не совсем прямо уже он дошел до постели, но все подходило к этому. Видимо, вот это было последнее. <...> Ну, естественно, *аффект очень сложно у нас в стране доказать*. Я считаю, что это было именно это состояние» (София).

«И, значит, в один прекрасный день приходит к нему друг, они начинают выпивать, в общем. <...> Я просто зашла к ним, сделала замечание, говорю, ребят, давайте потише. Тут, значит, его друг что-то психанул и ушел. Я как бы на кухне, все, заходит, значит, этот сожитель мой. И, в общем, просто *ни с того ни с сего начинает меня бить по лицу, по голове*. В общем... “Ты кто такая? Какое ты имеешь право выгонять моих друзей?” В общем, все такое. Я просто... А мы жили на первом этаже. Я просто выбегаю, бегу на пятый этаж. Ну, пытаюсь попасть к соседям, чтобы уговорить его. Мне никто просто не открывает, представляете? Хотя я кричу, реву, там, что меня бьют, все такое. Хотя соседи меня знали. Ну, все равно же прожили какое-то время. Вот. И потом, значит, он догоняет меня на пятом этаже. Ну, хватает, естественно, меня никто не пускает. И пинает меня вниз по лесенкам с пятого этажа ногами. Я даже встать не успевала. Все, затаскивает меня домой. И получается так, что я уже захожу на кухню. Захожу на кухню, он идет за мной. Пока идет за мной, значит, он меня снова бьет, пинает, кулаками. В итоге я стою на кухне, кухня маленькая. И получилось так, что он от меня как бы отворачивается и хочет, ну, видимо, выйти в коридор. И в этот момент просто я ничего не готовила, просто лежит на столе нож. Я беру нож и в спину его ударяю» (Инга).

«Больше двух недель, а сплетня эта развивается по городу. Меня уже просто по имени начинают узнавать. Ах ты, типа, та самая (Карина). И мне это не очень нравится, как вы понимаете. Вот и все. И вот этот электрик, он просто услышал вот эту вот всю ситуацию. <...> Я ухаживала за стариками, бабушка с дедушкой. Я приходила

раз в неделю, готовила им кушать, убиралась и уходила. И это было вот именно у этих деда с бабкой на квартире. <...> Да, и он вот пришел, вот это мне говорит. В психиатрии именно этот момент называется *состоянием аффекта*. Потому что *этот момент не помнится*. Это какие-то доли секунды. Я переспросила его, что он сказал. Он сказал и повторил это три раза. И после третьего раза, знаете, как будто затмило рассудок. Вот я ударила его ножом, который был у меня в руках, так как я готовила. Он упал, поменялся во взгляде, потому что только что он так с презрением на меня смотрел и говорил вот это вот название. Тут он меняется во взгляде, у него такие опешенные глаза. Я вытащила нож, переступила через него, *говорю: "сам крыса"*, и ушла» (Карина).

122

«Когда 9-го числа начал опять бить, я уже не знаю, куда бежать. Зимой... Опять догонит, думаю, куда я уже, не знаю, или полено взять. Я не знаю, почему за нож схватилась. Он начал нож выхватывать у меня из руки, я еще того больше испугалась. Думаю, сейчас выхватит у меня нож, и меня зарежет. И я как-то вырвалась спонтанно. Даже не смотрела. Я не думала, что я его убью. Я не знаю. Я думала, просто его пораню. У меня мыслей не было убивать. Просто думала, ну, вот так *вот я ткну, и все*. Вообще я не думала, что это смертельно. *Чтобы только отстал*. <...> (9-го числа), наверное, больно уже совсем стало. По старым побоям прилетало. Ну вот уже от безысходности. Схватилась за нож, не знаю, чего, думала, остановится. Взяла, чтобы напугать. Он начал выхватывать у меня нож. Я испугалась. Я побежала нож прятать, чтобы он у меня не отобрал, даже не знала, что я его убила» (Анна).

«Это, ну, знакомый отчима. Он мне говорит, давай выпьем, да выпьем. Я ему говорю, да я не пью. А как раз в этот момент я не пила. Угу. Потом мама пришла. Пришла, меня попросила за молоком сходить. Я сходила, молоко купила, хлеб купила, думаю, все. Захожу обратно в дом. В дом, ну, в квартиру, то есть захожу. Все, и это... Мама ушла к знакомым, ей потому что позвонили. И он опять это начал *домогаться*. Ну и это, я увидела это у нас на кухне. Пустая бутылка была. Я ему по голове стукнула» (Ольга).

Как мы видим, контексты совершения убийства довольно разнообразны, но при этом просматривается схожая объяснительная линия. Так, в качестве названных мотивов в основном фигурируют оборона и аффект, что показывает стремление оправдать свои действия, поскольку оборона предполагает сопоставимый ответ на угрозу, а аффект — помутнение сознания, делающее практически невозможным контроль своих действий. Не раз встречается мысль

о том, что совершать убийство женщины не хотели и их действия были спровоцированы обстоятельствами. На спонтанность совершения убийства косвенно может указывать орудие убийства — нож. Однако женщины в основном утверждают, что не думали о том, что смогут убить: причиненное тяжкое физическое насилие в их представлении должно было быть средством, а не самоцелью.

В двух случаях женщины твердо придерживались версии, что совершили убийство из аффекта, который определяется по закону как состояние сильного душевного волнения, а информантками описывается как «момент, который не помнится», «когда затмило рассудок», когда «действительно где-то вот эти шторы опустились так, что просто провал в памяти». Поэтому представляется интересным сравнить реакцию женщин на совершенное убийство уже, собственно, после прихода в сознание.

«Я не хотела ее убивать вообще. Я сама хотела с собой покончить, когда я узнала, что ее нет». Однако в другом случае женщина просто «переступила» через труп и ушла с места преступления. Безусловно, важно учесть то, что в первом случае жертвой убийства была девушка информантки, а во втором — просто коллега. Тем не менее кажется противоречивым, что женщина, не желая убивать кого-то, после осознания, что все же убила, приняла это с видимой легкостью. Первая информантка буквально не узнала себя в своем поступке: «когда я знакоилась с делом, я следователю сказала, говорю: “я не могла это сделать”, потому что ну очень жестко, очень жестоко. Мне кажется, нормальный человек в нормальном состоянии просто даже не способен на такое». На этом примере мы можем видеть тяжелое переживание расхождения между требованиями к себе и представлением о своем «Я» как о нормальном человеке и новой идентичностью (Goffman 1963).

123

У Гофмана также есть ремарка о том, что индивиды становятся пациентами тотальных институтов из-за предательства близкого окружения (Goffman 1961); в случае с «женскими» убийствами дело доходит до крайностей, поскольку, по всей видимости, типичное начало пациентской стадии характеризуется предательством самой себя. Так, почти все женщины отмечали, что после убийства сами вызывали скорую и полицию или даже шли в полицию сами:

«Ну, вижу, что он еще, наверное, думала, что живой, надо спасти его. И все. Позвонила, говорю, в милицию и скорую. Ну, они не приехали никто. И уже утром подъехали сюда к нам. Я все рассказала, но они... Как они сказали... “Может, это... До тебя он был убитый”. Я сказала: “нет”. Вот так я сказала. Да, призналась. Бог-то видит. Если я чё-нибудь навру, Бог меня накажет. Я все по-честному рассказала. И все. Меня... Потом закрыли» (Ксения).

Женщины не пытались скрыть преступление даже в том случае, если не пытались спасти жертву — как, например, когда после убийства женщина «переступила» через труп, то есть явно не выказывала сожаление по поводу совершенного. Помимо возможных моральных объяснений этому, как мне кажется, следует иметь в виду версию, что женщины были сильно дезориентированы, поскольку оказались в новой для себя ситуации, поэтому пространство для стратегического мышления действительно очень ограничено и решения принимаются импульсивно, на основе первых доступных поведенческих реакций. Мы можем видеть этому подтверждение и в том, как строилась их стратегия защиты в дальнейшем.

Заключение под стражу, судебное разбирательство и стратегия защиты

После прибытия на место преступления и оценки ситуации со слов женщины полиция забирает ее в отделение и помещает в изолятор временного содержания, где проводится первый допрос. Дальнейшие допросы продолжаются уже в следственном изоляторе.

124

«Потом стали допрашивать. Все рассказала. И все. Допросили первый раз, потом опять, потом через неделю опять меня стали допрашивать. Ну, я на одном и том же все стояла. Адвокат был. Ну, простой такой. Я отказалась, а он все равно настаивал. Ему немного заплатили, тыща... тыща восемьсот» (Ксения).

«Дежурный (адвокат). Я даже во время суда сразу от нее отказалась. Я понимаю, если бы я там ей деньги какие-то заплатила, она бы еще боролась, может быть. Тут видно, что она, во-первых, уже, как говорится, немолодая, в возрасте. Мне кажется, ей просто уже... просто наплевать. Лишь бы отработать, как говорится» (Инга).

«Он (адвокат) меня не защищает. Ну, как сказать? Делает свою работу, но защищать особо не защищает. Как сказать-то, блин?» (Анна).

По всей видимости, предоставленные государством адвокаты не внушали доверия информанткам. Женщины опасались, что те не станут защищать их интересы должным образом или даже усугубят их положение. Нанять платного адвоката у них не было возможности, а государственный, по их мнению, не будет работать качественно. Поэтому одной из стратегий защиты становился отказ от адвоката вообще.

Более предпочтительная стратегия защиты для них заключалась в том, чтобы сделать ставку на искренность: они думали, что если расскажут, как все было на самом деле, это поможет им смягчить срок наказания. Но на суде они обнаружили, что честный рассказ о собственных действиях не означает, что судом эти действия будут интерпретированы так же, как и ими, и потерпели неудачу:

«Ну, по сути, да, мне делали экспертизу, потому что я следователю то же самое же говорила. Ну, естественно, аффект очень сложно у нас в стране доказать. Я считаю, что это было именно это состояние. Но доказать это я не смогла» (Ольга).

«Ну, во-первых, мой процесс был вообще комичен. Это потом я, когда... Тогда я была первый раз, я не понимала вообще, чё происходит, потому что я говорю им правду, да, я убила, но неумышленно. Вот для меня было основное. Я в суде как ни пыталась сказать, что я не строила план, я не умышляла, я не замышляла его убивать. Я не шла с мыслью, сейчас он придет, скажет, а я его убью. Никакого мотива у меня не было. Никакие материальные средства я от него не поимела. Какое умышленное?» (Карина).

125

Вероятно, здесь можно обнаружить расхождение в трактовке умышленного убийства в праве и в обыденном сознании: информанткам представляется, что умысел предполагает тщательно спланированное заранее убийство, в то время как судебная система принимает сиюминутный умысел за равный по силе.

«И: Но вы не пытались под оборону?»

Р: Нет.

И: Вы даже не пытались?

Р: Нет. Как? Хотели.

И: Кто хотел?

Р: Ну, как бы я хотела. У меня же на лице все написано. То есть там синий, желтый, зеленый, красный. Но суд этого во внимание вообще ничего не принял. <...> Там все было и так видно, но почему, как бы, допустим, состояние аффекта, да? <...> Ну, это, в общем, я это рассказывала и на суде, и все, ну, то есть это ни на что не повлияло. Ну да, я сказала, что я, конечно, сама себя защищаю. Я ж не буду стоять, когда меня бьют» (Инга).

На примере этого нарратива можно проанализировать, почему женщинам не удается убедительно представить свою версию событий в суде, даже если оставить в стороне вопрос о возможном обвинительном уклоне. Даже в процессе интервью, ситуации гораздо

менее стрессовой, чем судебное разбирательство, их нарративы не были консистентными. Так, во фрагменте выше в качестве мотивов информанткой называлась самооборона, аффект, а позже — обида: «Мне кажется, что его (ножа) и не было там. А тут вот откуда-то он взялся, и у меня вот на почве всей этой *обиды*, как говорится. <...> Ну, конечно, *обидно, ни за что когда тебя бьют*». Однако самооборона все же предполагает страх, а не обиду. Вероятно, подобная непоследовательность присутствовала и в судебных показаниях женщины. Возможно, ее версия была искренней, однако нелогичная смена мотивов снижает убедительность объяснений, тогда как суд требует четкой и устойчивой линии защиты. Отражение подобного распадающегося нарратива обнаруживается и в приговорах, где на разных этапах дела женщинами зачастую назывались разные мотивы (Луликян, Жучкова 2024). Возможно, разочаровавшись в своих навыках аргументации и не имея достойной помощи, они уже сами способствовали разрешению дела не в свою пользу:

126

«На суде я сказала, что да, я виновата. Наказывайте меня, как вы считаете нужным. То есть я ничего не отрицала. Там я наоборот. Как бы да, да, да. Посадите меня, в общем-то. Все равно я уже знала, что все равно посадят» (Инга).

В целом женщины ожидали даже больший срок наказания, чем в итоге им назначали, — у них были примерные знания о том, сколько дают за убийство в их регионе:

«У нас вот, по 10 всем дают, по 9 лет. А в других вот регионах, в Башкирии по 7 лет дают <...> Да, я вообще думала, что *мне надо было 12*. Я уже была готова к этому. Я, видать, слышала, что 12 (у кого-то было). Все уже, думала, 12. Адвокат сказал 9–10. Судья решил 8,5» (Анна).

Любопытно, что в этом фрагменте информантка соотносит свой срок с «типичными» наказаниями за убийство в разных регионах, фактически игнорируя индивидуальные смягчающие и отягчающие обстоятельства, которые в каждом деле могут существенно менять итоговый приговор. Хотя в России нет систематических исследований региональных различий в суровости наказания за убийство, зарубежные работы действительно указывают на существование такой вариативности между регионами (Cooney, Burt 2008). Помимо этого, суровость ожидаемого наказания может объясняться представлением о репрессивности судебной системы, которое, возможно, существовало еще до знакомства с системой изнутри и укрепилось в процессе взаимодействия с ней, а также может быть

следствием моральной оценки своего поступка как заслуживающего такого наказания.

Экспациентская стадия

Нередко после освобождения заключенным некуда идти, поскольку родственники обрывают с ними связи еще во время их заключения. Однако даже если опция возврата домой и существует, она все еще может представляться непривлекательной. Нежелание возвращаться в старое социальное окружение имеет понятные причины, и возможность начать новую жизнь с новыми людьми, сконструировав новое «лицо» и новый образ жизни, радикально отличающиеся от старого, дает надежду на избавление от стигмы:

«Я к старой жизни не хочу. Меня беспокоит то, что я опять начну пить. <...> Мне не надо друзей. Просто в друзьях ошибалась очень много. Так же, как и в мужьях. Так что ни мужей, ни друзей. Хочется одной» (Анна).

Информантка заметила, что была одна и все предыдущие годы в колонии. В действительности, недоверие к себе может приводить к страху брать ответственность за свою жизнь — более надежным представляется наличие внешнего контроля, и такой предлагается специализированными НКО. Поскольку НКО сотрудничают с колониями, часто о них заключенные узнают еще от социального отдела в последней; соответственно, в некотором смысле выход из колонии означает «перевод» в шелтер или дом милосердия¹. Можно предположить, что нахождение в сообществе людей с похожим статусом в некотором смысле облегчает жизнь постояльцев: там, где стигматизированы все, не стигматизирован никто, соответственно, здесь можно чувствовать себя «нормальной» и не прибегать к чрезмерной «работе лица».

127

Обычно в таких местах женщины проводят от нескольких недель до нескольких месяцев, воспринимая это время как возможность встать на ноги в финансовом плане и собраться с силами для встречи с семьей и детьми:

1 Шелтеры ни к чему не обязывают своих постояльцев, проживание в них бесплатно, чего нельзя сказать о домах милосердия, где проживание обеспечивается за счет труда проживающих там людей. Так, некоторые из жителей домов милосердия работают на официальной работе, но зарплату в личное пользование не получают, поскольку она удерживается владельцами домов милосердия. Некоторые эксперты сравнивают такую систему с рабской или тюремной.

«Я еще боюсь ему (ребенку) звонить, не звонить, писать, не писать. Потому что сама еще не чувствую ног под землей. Ни кола, ни двора нет. Он скажет, мама, приезжай — не приехать, не забрать его» (Анна).

Работа зачастую становится для женщин главным источником надежды на новую жизнь, но при этом шансы на интересную и хорошо оплачиваемую работу, очевидно, невысоки. При этом, как подчеркивают сотрудники НКО, одной только занятости недостаточно для успешной реинтеграции — жизнь после тюрьмы не сводится к работе. Соответственно, когда новая жизнь оказывается не столько вдохновляющей, сколько трудной, и женщины не находят места в том мире, в который вышли, риск рецидива возрастает. Так, по данным интервью и отчетов НКО, после отбытия срока за убийство некоторые женщины вновь попадали в колонию — за неуплату алиментов, хулиганство или даже совершение нового убийства. Однако если им удается найти значимый смысл на свободе (семью, работу, поддержку окружения), новая жизнь без преступлений становится реальностью.

128

«После первого срока (за разбой) я действительно скучала по тем местам. Меня здесь никто не понимал, мне не хватало того общения. Да. Второго срока (за убийство) мне хватило, чтобы понять, что нечего там делать. В принципе, вообще. Ни год, ни два, ни десять <...> Но постепенно, потихоньку как-то это, жизнь наладилась. Семья, дети сейчас...» (София).

«Семья» и «дети», упоминаемые информанткой, представляются необходимыми атрибутами нормальной жизни. Нормализация «лица» чрезвычайно важна: эта же информантка подчеркивала, что сама из «благополучной семьи» и что теперь считает, что однополюсные отношения бесперспективны, поскольку они не позволяют создать семью, а именно это является предназначением каждой женщины.

Ситуация интервью и любая иная социальная ситуация, предполагающая некоторую саморепрезентацию, требует от женщин интенсивной работы лица, поскольку они помнят, что совершили убийство, и знают, что это знают другие, либо же боятся, что об этом могут догадаться. В этом смысле длительное нахождение в шелтерах, пунктах обогрева и домах милосердия стратегически выгодно, поскольку требует приложения меньших усилий, ведь там тоже проживают люди, имеющие сходный социальный опыт. Если ситуация требует, лицо приходится сохранять за счет выдвижения других идентичностей, и в этом женщинам помогает позициони-

рование себя как состоявшейся матери. Например, информантка подчеркивала, что, несмотря на регулярное употребление алкоголя дома с сожителем и его родственниками, она выполняла родительские обязанности в полной мере:

«Ну как бы дети-то ни в чем не нуждались. Всегда у меня чистые, накормленные, все накормленные, дома порядок. В этом смысле я вообще... Сейчас я у других, когда смотрю, люди вроде такие из хороших семей, а дети ходят как [неразборчиво]. У меня такого никогда не было. Для меня это очень неприятно» (Анна).

Женская идентичность как неотъемлемая характеристика может становиться для них важным ресурсом и опорой. Есть основания полагать, что становится важной и категория чистоты: эта же информантка отмечала, что, когда ехала в шелтер, думала, что там будет «будет хуже» и «будет бомжатник», другая информантка в палатке рассказывала о том, как после ареста просидела в обезьяннике с «бомжами вонючими». По всей видимости, осознавая, к какой категории людей они теперь причислены, они нарочито стигматизируют отбывавших наказание или потерявших дом — людей с похожей социальной судьбой — чтобы показать на контрасте, что их собственная социальная идентичность была испорчена несправедливо и их ни в коем случае нельзя ставить в один ряд с другими стигматизированными людьми, несмотря на определенное сходство.

129

Нарратив vs Судебный приговор

До настоящего момента мы анализировали нарративы женщин, не подвергая сомнению их содержание. Это сознательный исследовательский шаг, ведь целью этой работы была реконструкция убийства и последующего судебного процесса в представлении самой женщины, совершившей его. Однако учитывая притязания на честность, вновь и вновь артикулируемые женщинами в ходе интервью, представляется любопытным сравнить то, как представлены показания в нарративах женщин и в их судебных приговорах¹. Так, все женщины утверждали, что не меняли показаний в процессе судопроизводства и что рассказывали на суде то же, что рассказали и в интервью. Мною будут приведены сопоставления по убийствам,

1 Согласно ст. 245 УПК РФ, приговоры записываются секретарем судебного заседания, поэтому возможны искажения показаний обвиняемых, несмотря на обязанность секретаря излагать все «полно и правильно».

произошедшим в 2010-х годах (и потому опубликованным).

Наибольшее расхождение можно обнаружить в случае информантки, которая утверждала, что совершила убийство соседа, догавшегося ее пятилетней дочери. В тексте приговора в контексте данных ей показаний не упоминается дочь; также дочь не упоминается и судом, а суд учитывает наличие малолетних детей как смягчающее обстоятельство. Более того, в показаниях, данных информанткой на суде, указывается, что она убила сожителя, а не соседа, и поводом стала ссора, а не оборона. При этом в деле указано, что она была пьяна, но в интервью она подчеркнула, что вернулась домой прямо с работы и поэтому, по ее словам, не могла находиться в состоянии опьянения. Также информантка говорила о том, что вызвала полицию и скорую сразу же после совершения убийства, но они не приехали, в то время как в приговоре содержится информация о том, что информантка и ее знакомый, распивавший с ней алкоголь, осознали, что сожитель был убит, только спустя сутки — на следующую ночь.

130

Другой нарратив и приговор скорее сошлись, однако информантка не упоминала о том, что зачинателем ссоры была она, а не жертва. Так, в интервью информантка делилась тем, что ее «все ревнуют», но не упоминала о том, что она также могла приревновать своего мужа. На предварительном следствии же она рассказала о том, что ссора началась с ее подозрения в измене мужа. Что касается мотива, информантка говорила, что убила из самообороны, но на суде говорила не только о защите самой себя, но и о злости — проблематичность такой неконсистентности уже была раскрыта ранее.

Третье убийство было совершено в соучастии: приговор постановил, что женщина убила мужа вместе с их общим знакомым. В интервью утверждалось, что убийство она не совершала, и, судя по тексту приговора, она также не признала свою вину в суде. Существенным отличием является то, что она заявляла, что не трогала мужа вообще, но давала показания о том, что била мужа молотком по голове, что в итоге суд посчитал существенным вкладом в телесные повреждения, из-за которых наступила смерть.

Самооправдание vs Самообвинение

Женщины, совершившие убийство, часто одновременно и оправдывают себя, и обвиняют, и это видно по тому, как они рассказывают о случившемся. Несмотря на попытки представить свои действия как вынужденные и достойные снисхождения, в суде они получают строгий обвинительный приговор, который заставляет их по-новому посмотреть на себя и свой поступок. Может быть, то, что они не смогли доказать свою правоту, означает, что они на самом деле

не правы? Может быть, не вина ведет к назначению наказания, а наказание делает человека виноватым? Процесс реинтерпретации убийства запускается с начала взаимодействия с правоохранительными органами и продолжается во время их пребывания в заключении. Таким образом, легитимизируется нарратив институтов:

«Какие мысли... то, что я гадина самая последняя. (Смеется.) Самая грешная на Земле. Ну как, самооборона, но все равно же... убила. Я убила человека. Какого, боже мой, снисхождения (мне ждать)?» (Анна).

По всей видимости, оценка событий прошлого «Я» начинает происходить с позиций настоящего «Я». Если так, возможно, что эта тенденция уходит еще глубже. Например, во фрагменте ниже описание, показывающее склонность женщины к обвинению себя еще в прошлом, может отражать на самом деле образ мыслей, присущий женщине не на тот момент, а сейчас:

«Я в тот момент (суда) считала, что я виновата, что так мне и надо, в общем, как говорится. За свои поступки надо отвечать. Хоть как-то тебя избивали, и все равно» (Инга).

131

Разумеется, искреннее самообвинение могло иметь место и сразу после совершения убийства, однако можно предположить, что именно в ходе институционального воздействия на «Я» женщин самообвинение вышло на первый план. Тем не менее у некоторых женщин может преобладать самооправдание, что будет выражаться в большем расхождении между саморепрезентацией и реальностью, например, в умолчании деталей, что создает нарративные пробелы и меняет восприятие всей ситуации. Таким образом, женщины могут скорее признавать свое «Я» как убийцу, открыто осуждая эту часть себя, либо же вовсе отрицать эту идентичность, переопределяя ситуацию так, будто бы убийство было необходимостью, и тем самым представляя себя в более выгодном свете. Тем не менее, несмотря на различия в отношении к своему поступку, одно остается универсальным — опыт убийства предполагает больший менеджмент себя, поскольку эта идентичность становится неотъемлемой как в личном, так и в социальном смысле:

«Вот возьми проститутку: она перешла черту, что можно за день-ги спать, и для нее сейчас не составляет труда. То есть перешагнув раз эту черту, уже не существует этой границы, она стерта. То есть смысл в том, будешь ли ты контролировать себя, перейти ее или нет. Ну, то есть вот сейчас я, например, живу спокойной жизнью. То есть

я поменяла все вообще в своей жизни. Я убрала весь блатной мир из своей жизни. Но если ситуация, которая, например, затронет моих близких... для меня это не будет проблемой защитить своего близкого, то есть способом, то есть убить человека. Для меня это уже не страх, для меня это пройденный этап, но все зависит от меня, сделаю я это или нет. Вот. Но сам барьер, его нет. Поэтому я говорю, убийца, он, ну, он убийца» (Карина).

Заключение

В этой работе мы пытались проследить моральную карьеру женщин, совершивших убийство, а именно то, как убийство, судебная и пенитенциарная система сконституировали «Я» женщин. Поскольку эмпирическим источником данных послужили данные биографических интервью, во многом требовалась двойная интерпретация рассказанного женщиной: как ее взгляда на произошедшее и как саморепрезентация в рамках интервью. Несмотря на то что не всегда это удавалось разделить, мы все же можем выстроить моральную карьеру в хронологическом порядке.

132

Низкий социально-экономический статус, специфическое социальное окружение, алкогольная зависимость, виктимизация и нормализация насилия, опыт пребывания в тотальных институтах — лишь некоторые элементы карьеры, во многом, как может показаться в ретроспективе, предопределяющие судьбу женщины, ведущие ее к убийству близкого человека или знакомого.

Убийства совершались для самообороны или из-за аффекта, однако нарративы женщин относительно мотивов убийства не отличаются консистентностью и в процессе интервью, и в судебных приговорах. Скорее всего, это стало результатом того, что женщины предпочитают защищать себя сами в суде, отказываясь от помощи государственных адвокатов. Однако избираемая ими стратегия искренности обычно не имеет успеха, и они получают приговор по более тяжкой статье.

После освобождения они могут поехать домой, если, например, поддерживают связь с семьей; в ином случае они могут воспользоваться помощью от НКО и остановиться в шелтере или доме милосердия. Последнее место способствует адаптации к новой жизни весьма ограниченно, поскольку предельно схоже с тотальным институтом.

Женщины хотели бы избавиться от стигмы убийцы, но понимают, что это невозможно. Стратегиями совладания со стигмой становятся подчеркивание своей женской идентичности, связанной с исполнением роли матери, и отделение себя от других стигматизированных групп, к которым они тем не менее фактически относятся.

Несмотря на то что всем проинтервьюированным женщинам был вынесен приговор по одной и той же статье, отношение к своему поступку у всех разное. Каждый нарратив — уникальное сплетение самообвинения и самооправдания, адресованного к разным периодам своей жизни. Однако можно заключить, что женщины все же способны вынести вердикт сами себе, склоняясь в большей степени то к самообвинению, то к самооправданию.

Такой контраст в видении вины кажется еще более удивительным в контексте того, что каждая женщина проходит, как мы могли проследить, достаточно типичную карьеру еще до убийства и сталкивается со схожими проблемами после освобождения. Можно было бы предположить, что основным различием в том, что женщины думают о себе и своем поступке, становится то, насколько успешно женщины смогли справиться с возникающими проблемами. Если женщина после освобождения смогла организовать свою жизнь так, чтобы в ней присутствовали хотя бы атрибуты «нормальной» жизни, она будет стремиться отделить себя от прошлой идентичности, обвиняя себя в прошлом. Однако если ей никак не удастся организовать эту «нормальную» жизнь, она может столь же обоснованно заниматься самообвинением, поскольку убийство во многом и является причиной отсутствия нормальной жизни. По всей видимости, склонность к самообвинению или самооправданию является производной по отношению к идентичностям. Мало что можно противопоставить идентичности убийцы; например, профессиональная идентичность здесь едва ли может помочь в определении себя, поскольку профессиональные карьеры женщин, как правило, не были успешными и до убийства, а после ситуация только усугубилась. Поэтому на арену выходит идентичность, связанная с базовой женской идентичностью, — идентичность матери.

Если женщина состоится как мать или будет хотя бы иметь надежду на это, именно эта идентичность может стать достаточно сильной, чтобы составить конкуренцию идентичности убийцы. Соответственно, идентификация себя через материнство приведет к большему осуждению себя как убийцы. Однако в случае, если женщина не обрела иную идентичность, она скорее будет защищать имеющуюся — идентичность убийцы. Можно заключить, что хотя бы какая-то социальная идентичность, даже испорченная, лучше, чем отсутствие сильной идентичности вовсе.

Финансирование / Funding

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-78-10073 «Разработка и апробация методики автоматизированного анализа текстов приговоров российских судов для

социально-правовых исследований (на примере насильственных преступлений)» (см. подробнее: <https://rscf.ru/project/23-78-10073/>).

The research was supported by a grant from the Russian Science Foundation No. 23-78-10073 “Development and approbation of the algorithm for automated analysis of the court decisions texts for socio-legal studies (based on cases of violent crimes)” (see more details: <https://rscf.ru/project/23-78-10073/>).

Благодарности / Acknowledgments

Автор также хочет выразить признательность всем женщинам, которые дали интервью, и руководительницам НКО, которые помогли найти информанток. Отдельно хочу поблагодарить профессора НИУ ВШЭ Елену Юрьевну Рождественскую, которая помогала мне на всех этапах исследования.

The author also wishes to express her gratitude to all the women who gave interviews and to the heads of NGOs who helped find informants. The author would like to especially thank Elena Rozhdestvenskaya, a professor at the HSE, who helped her at all stages of the research.

134

Список источников / References

Гофман И. (2000) *Представление себя другим в повседневной жизни* / Пер. с англ. и вступ. ст. А. Д. Ковалева. М.: КАНОН-пресс-Ц; Кучково поле.

— Goffman I. (2000) *The Presentation of Self in Everyday Life*. Moscow: KANON-press-Ts; Kuchkovo pole. 304 p. (in Russ.)

Гоффман Э. (2019) *Тотальные институты: очерки о социальной ситуации психически больных пациентов и прочих постояльцев закрытых учреждений* / Пер. с англ. А. С. Салина; под ред. А. М. Корбуа. М.: Элементарные формы.

— Goffman E. (2019) *Asylums: Essays on the Social Situation of Mental Patients and Other Inmates*. Moscow: Elementarnye formy. (in Russ.)

Зульфиаева Ж. А., Гурьев Б. О. (2021) Алкоголизм в России как социальная проблема. *Инновации. Наука. Образование*, (40), с. 261-264. EDN: RZQDHD

— Zulfibaeva Zh. A., Guruev B. O. (2021) Alcoholism in Russia as a Social Problem. *Innovations. Science. Education*, (40), pp. 261-264. (in Russ.)

Кравцов, А. Н., Лисовская И. В., Ясавеев И. Г. (2022) «Эта система делает только будущих эзков»: проблематизация дискурса исправления бывшими заключенными. *Мир России. Социология. Этнология*, 31(4), с. 79-99. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2022-31-4-79-99>

— Kravtsova A. N., Lisovskaia I. V., Yasaveev I. G. (2022) “This system only makes future prisoners”: Problematization of the Correction Discourse by Former Prison-

ers. *Mir Rossii. Sotsiologiya. Etnologiya*, 31(4), pp. 79-99. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2022-31-4-79-99>. (in Russ.)

Луликян А. А., & Жучкова С. В. (2024) Почему женщины убивают? Эмпирическая типология убийств, совершенных женщинами в России. *Мир России*, 33(2), с. 115-141. EDN: DTTHLZ. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2024-33-2-115-141>

— Lulikyan A. A., Zhuchkova S. V. (2024) Why do women kill? An empirical typology of murders of women in Russia. *World of Russia*, 33(2), pp. 115-141. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2024-33-2-115-141>

Макух Н. О., Глазова А. С. (2023) Особенности экзистенциальной исполненности личности осужденных женщин и мужчин средней взрослости. *Психология и право*, 13(4), с. 24-36. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2023130402>

— Makukh N. O., Glazova A. S. (2023) Existential Fulfillment Characteristics of Convicted Women and Middle-Aged Men. *Psikhologiya i pravo*, 13(4), pp. 24-36. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2023130402>. (in Russ.)

Ростовская Т. К., Васильева Е. Н., Русанова Е. И. (2024) Осужденные женщины, пребывающие в исправительных колониях: социально-демографическая структура и проблемы социальной адаптации. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 27(2), с. 233-265. <https://doi.org/10.31119/jssa.2024.27.2.4>

— Rostovskaia T. K., Vasil'eva E. N., Rusanova E. I. (2024) Female Inmates in Penal Colonies: Socio-Demographic Structure and Social Adaptation Challenges. *Journal of Sociology and Social Anthropology*, 27(2), pp. 233-265. <https://doi.org/10.31119/jssa.2024.27.2.4>. (in Russ.)

135

Сабирова Г. А. (2012) «Непростые рассказы о себе и зоне»: ответы и вызовы нормативным представлениям в историях жизни женщин с опытом заключения. В Е. Л. Омельченко (ред.) *До и после тюрьмы. Женские истории* (с. 105-140). СПб.: Алетейя.

— Sabirova G. A. (2012) "Difficult Stories about Oneself and the Zone": Challenges to Normative Views in Life Stories of Formerly Incarcerated Women. In E. L. Omel'chenko (Ed.), *Before and After Prison: Women's Stories* (pp. 105-140). Saint Petersburg: Aleteia. (in Russ.)

Семенова В. В. (2002) Социальный портрет поколений. *Россия реформирующаяся*, (2), с. 184-212. EDN: JGXWBT

— Semenova V. V. (2002) Social Portrait of Generations. *Russia Reforming*, (2), pp. 184-212. (in Russ.)

Яковлев Д. Ю. (2015) Криминологическая характеристика личности женщин, совершивших преступления против жизни. *Проблемы в законодательстве. Юридический журнал*, (4), с. 236-239. EDN: TZXQYX

— Iakovlev D. Yu. (2015) Criminological Characteristics of Women Who Committed Crimes Against Life. *Gaps in Legislation. Legal Journal*, (4), pp. 236-239. (in Russ.)

Becker H. S. (1963) *Outsiders: Studies in the Sociology of Deviance*. Free Press, Glencoe.

Biggers T. A. (1979) Death by Murder: A Study of Women Murderers. *Death Studies*, 3(1), pp. 1-9. <https://doi.org/10.1080/07481187908253326>

-
- Brookman F., Innes M. (2013) The Problem of Success: What is a “Good” Homicide Investigation? *Policing and Society*, 23(3), pp. 292–310. <https://doi.org/10.1080/10439463.2013.771538>
- Cooney M., Burt C. H. (2008) Less Crime, More Punishment. *American Journal of Sociology*, 114(2), pp. 491–527. <https://doi.org/10.1086/592425>
- Dalbert C. (2009) Belief in a Just World. In *Handbook of Individual Differences in Social Behavior* (pp. 288–297).
- Goffman E. (1961) *Asylums: Essays on the Social Situation of Mental Patients and Other Inmates*. New York: Anchor Books.
- Goffman E. (1963) *Stigma: Notes on the Management of the Spoiled Identity*. New York: Prentice-Hall.
- Goffman E. (1967) *Interaction Ritual: Essays on Face to Face Behavior*. New York: Anchor Books.
- Heath J., Hardy-Vallée B. (2015) Why Do People Behave Immorally When Drunk? *Philosophical Explorations*, 18(3), pp. 310–329. <https://doi.org/10.1080/13869795.2015.1031958>
- Jacobsson L. (2002) The Roots of Stigmatization. *World Psychiatry*, 1(1), p. 25. <https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC1489825/>
- Jensen V. (2001) *Why Women Kill: Homicide and Gender Equality*. Lynne Rienner Publishers.
- Kethineni S. (2001) Female Homicide Offenders in India. *International Journal of Comparative and Applied Criminal Justice*, 25(1), pp. 1–24. <https://doi.org/10.1080/01924036.2001.9678661>
- Link B. G., Phelan J. C. (2001) Conceptualizing Stigma. *Annual Review of Sociology*, 27(1), pp. 363–385. <https://doi.org/10.1146/annurev.soc.27.1.363>
- Lysova A. (2023) *Female Perpetrators of Intimate Partner Homicide*. In *Perceptions of Female Offenders, Vol. 2: How Stereotypes and Social Norms Affect Criminal Justice Responses* (pp. 59–73). Cham: Springer Nature Switzerland. https://doi.org/10.1007/978-3-031-45685-5_4
- Malpass A., Shaw A., Sharp D., Walter F., Feder G., Ridd M., Kessler D. (2009) “Medication Career” or “Moral Career”? The Two Sides of Managing Antidepressants: A Meta-Ethnography of Patients’ Experience of Antidepressants. *Social Science & Medicine*, 68(1), pp. 154–168. <https://doi.org/10.1016/j.socscimed.2008.09.041>
- Malle B. F. (2021) Moral Judgments. *Annual Review of Psychology*, 72(1), pp. 293–318. <https://doi.org/10.1146/annurev-psych-010420-033042>
- Meyer C. L., Oberman M. (2008) *When Mothers Kill: Interviews from Prison*. New York: University Press.
- Orcutt J. D. (1984) Contrasting Effects of Two Kinds of Boredom on Alcohol Use. *Journal of Drug Issues*, 14(1), pp. 161–173. <https://doi.org/10.1177/002204268401400112>
- Penney T. L. (2014) Dark Figure of Crime (Problems of Estimation). In *The Encyclopedia of Criminology and Criminal Justice* (pp. 1–6). DOI: 10.1002/9781118517383.wbeccj248
- Pridemore W. A. (2004) Weekend effects on binge drinking and homicide: the social connection between alcohol and violence in Russia. *Addiction*, 99(8), pp. 1034–1041. DOI: 10.1111/j.1360-0443.2004.00762.x

- Radcliffe P. (2011) Motherhood, Pregnancy, and the Negotiation of Identity: The Moral Career of Drug Treatment. *Social Science & Medicine*, 72(6), pp. 984–991. <https://doi.org/10.1016/j.socscimed.2011.01.003>
- Reid E., Ramarajan L. (2021) Seeking Purity, Avoiding Pollution: Strategies for Moral Career Building. *Organization Science*, 33(5), pp. 1909–1937. <https://doi.org/10.1287/orsc.2021.1516>
- Schervish P. G. (2016) Making Money and Making a Self: The Moral Career of Entrepreneurs. In *Handbook on Wealth and the Super-Rich* (pp. 132–154). Edward Elgar Publishing. <https://doi.org/10.4337/9781784714448.00013>
- Scott S., Hardie-Bick J. (2022) Moral career. In *The Routledge international handbook of Goffman studies* (pp. 74–84). Routledge.
- Stevens D. J. (1999) Interviews with women convicted of murder: Battered women syndrome revisited. *International Review of Victimology*, 6(2), pp. 117–135. <https://doi.org/10.1177/026975809900600203>
- Uniacke S. *Permissible killing: The self-defence justification of homicide*. Cambridge University Press, 1994.
- Vogel D. L., Bitman R. L., Hammer J. H., Wade N. G. (2013) Is stigma internalized? The longitudinal impact of public stigma on self-stigma. *Journal of counseling psychology*, 60(2), p. 311. DOI: 10.1037/a0031889

Об авторе / About the author

Анна Айковна Луликян — стажер-исследователь, Международный центр изучения институтов и развития, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия. Научные интересы: социология права; убийства, совершенные женщинами; анализ судебных приговоров; эмпирические исследования права.

<https://orcid.org/0009-0004-1142-5263>. E-mail: alulikyan@hse.ru

Anna A. Lulikian — Research Intern, International Center for the Study of Institutions and Development, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia. Research interests: sociology of law; homicides committed by women; analysis of court verdicts; empirical research of law.

<https://orcid.org/0009-0004-1142-5263>. E-mail: alulikyan@hse.ru